

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ РЕГИОНА

УДК 314(470.621)

Р.Х. ЕМТЫЛЬ

**СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ
ДОКОЛХОЗНОГО АУЛА АДЫГЕИ (20-е ГОДЫ XX ВЕКА)**

Емтыль Разиет Хаджиберамовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева (г. Майкоп, ул. Краснооктябрьская, 13), smarieta@mail.ru

Аннотация. В статье характеризуется сельское население доколхозного аула и его структурные изменения в 20-е годы, рассматривается численность, размещение, национальный и половой состав каждой группы населения.

Ключевые слова: аул, демография, социальная характеристика, структура, крестьянство, перепись, морфология населения, статистика.

UDK 314(470.621)

R.H. YEMTYL

**SOCIO-DEMOGRAPHIC CHANGES BEFORE-KOLKHOZ AUL
OF ADYGEA (20-IES OF XX CENTURY)**

Yemtyl' Raziet Khadzhiberamovna, Ph.D in History, leading researcher of Adyge Republic Institute of Humanitarian Researches of T.M. Kerahsev (Maikop, Krasnooktyabrskaya Str., 13), smarieta@mail.ru

Abstract. Article characterizes the rural population and structural changes in it 20 years, also considers the number, placement, national and gender composition of each population group.

Keywords: aul, demography, social characteristics, structure, peasantry, census, morphology of population, statistics.

Анализ социально-демографических изменений адыгейского аула невозможен без статистического изучения сельского населения.

Численность, размещение, национальность, половой состав каждой группы населения является одной из важнейших социальных характеристик. Население Адыгеи состояло в основном из черкесов и русских. Проведенные социально-экономические преобразования, менявшие социальный облик аула, отразились в переписях. В этом смысле большую ценность представляют материалы Сельскохозяйственной переписи 1923 г. и Всесоюзной переписи 1926 г. Наиболее глубокую и широкую картину и важные сведения о трудовом и социальном облике сельского населения в 20-е годы отразила Всесоюзная перепись населения 1926 г. Материалы переписи в виде сводных таблиц были опубликованы в 56 томах. Данные по Адыгейской автономной области содержатся в томах 5, 22, 39 [1]. Иногда для включения в текст некоторые цифры приходилось пересчитывать.

Советские историки и демографы уже неоднократно обращались к материалам переписи [2]. Переписью в Адыгейской области зарегистрировано было 114,1 тыс. душ обоего пола сельского населения, из них 56,2 тыс. мужчин и 57,9 тыс. женщин. Большую часть составляло крестьянское население, занимавшееся главным образом сельскохозяйственным промыслом.

Численность крестьянского населения, определяемого по данным налоговой сельскохозяйственной переписи 1923 г. и по данным весеннего опроса Всесоюзной переписи в 1926 г., была равна 110 тыс. душ обоего пола, остальная часть населения являлась некрестьянским (рабочие, служащие и прочие категории) [2].

В середине 20-х годов в адыгейском ауле продолжается процесс классового расслоения, Советское государство использовало систему мероприятий для ограничения кулацких элементов, но все же поддерживало процесс осереднячивания крестьянства.

Население области было распределено неравномерно по территории. Занимая 3022 километра всего пространства области, население разместилось в 351 (ныне 234) населенном пункте. Наиболее плотно они размещались в Тахтамукайском районе, где на 100 кв. километров приходилось 18 населенных пунктов, в Понежукайском – 12, в Преображенском – 13, в Хакуринохабльском – 9, Натырбовском – 4 [3, с. 48].

Такое неравномерное размещение населения сказалось на развитии сельского хозяйства, где по переписи 1926 г. занято было 104 177 человек, или 91,3% населения, из них 69 181 чел. – самостоятельного (не имеющего в собственности земельного участка) и 34 996 чел. несамостоятельного населения [4]. Вторую группу составляли лица, занятые в кустарно-ремесленном промысле, заводской промышленности, торговле, лица свободных профессий, безработные и пр.

Демографическая перепись 1926 г. позволила выделить основные социальные группы из числа самостоятельного населения Адыгеи [3 с. 49] (таблица 1).

Таблица 1

Группы населения	Рабочие	Служащие	Свободные профессии	Хозяева с наемными рабочими	Хозяева, работающие только с чл. своей семьи	Итого: самостоятельного населения
Кол-во чел.	4103	1073	41	1185	67209	73611
в %	5,6	1,4	0,1	1,6	91,3	100

Перепись населения зафиксировала низкий уровень развития производительных сил для сельского хозяйства. Если по России в составе самостоятельного сельского населения оказалось 61,4%, то в составе самостоятельного населения Адыгейской автономной области было 63,17%. Такая разница объяснялась тем, что в адыгейских семьях в трудовую деятельность включались дети не с 10-летнего возраста, как это было в центральных районах России, а с 6–7 лет, особенно мальчики были уже самостоятельными. В графе «члены семьи, помогающие в занятии», их процент естественно и оказался больше (63,17%) [5].

Перепись населения выявила преобладание черкесского (адыгейского) населения в аулах. В Тахтамукайском районе они составляли 78,8%, а в Натырбовском – 51,5%. Наименьшей плотности черкесское население достигало в Преображенском, Хакуринохабльском районах [6, с. 97].

На 1000 мужчин в составе населения аулов обычно приходилось от 907 до 967 женщин. Но с притоком жителей других национальностей (русских) и улучшением бытового положения женщин и снижением смертности соотношение мужчин и женщин выравнивается.

Восстановление сельского хозяйства, подъем его производительных сил оказывали влияние на развитие различных социальных групп крестьянства.

На XII съезде партии было отмечено, что задача государства в деревне носит двусторонний характер: а) продолжение борьбы за дальнейшее максимальное увеличение продукции сельского хозяйства; б) поддержка крестьянской бедноты в организации хозяйства и ликвидация эксплуататорских элементов в деревне [7].

Необходимость одновременного решения этих задач требовала в перспективе массового кооперирования крестьянства.

В 20-е годы, когда были сняты преграды, поставленные системой «военного коммунизма», мелкое крестьянское хозяйство получило широкие возможности и стимулы для развития товарного производства, имущественное неравенство, сохранившееся в годы аграрной революции, усилилось.

Основным фактором расслоения крестьянства стала не столько земля, сколько торговля, скот, инвентарь, превращавшиеся в орудие накопления и средства эксплуатации бедноты. Наряду с этим намечался рост артелей, товариществ по обработке земли (ТОЗов), коллективной закупки инвентаря, распространения применения общественного труда. Все это находит политическое выражение в усилении активности не только бедняцких, но и крепких слоев деревни.

Произошла известная консолидация средней группы крестьян, экономически укрепилось большинство бедняцких хозяйств, сократилось число зажиточных. Выявился новый слой аульного актива, состоящий из бедноты и середняцкой части населения.

Статистика показала, что не имели посевов, рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря 6,8% всех хозяйств. Хозяйства, которые имели посевы от 6,6 га, в своих руках сосредоточивали рабочий скот, машины, стремились подчинить себе всю деревню, направить ее на прогрессивный путь развития [3, с. 30].

Процессы социальной дифференциации не смогли возобладать над процессом осреднячивания, середняцкие хозяйства составили 65% всех хозяйств. Пролетарские группы росли как естественный процесс экономических преобразований, перемещения рабочих рук из сельского хозяйства в промышленность [8, с. 34–35].

Сократилось число беспосевных и малопосевных хозяйств. Если в 1925 г. малопосевные (до 3 дес.) слои среди адыгских крестьян составляли 50,7%, то в 1928 г. таких хозяйств было 40% [9]. Количество хозяйств с посевом от 3 до 10 дес. за период с 1925 по 1928 г. в Адыгее увеличилось на 4,7%.

Особенно важным в развитии деревни было воздействие новых отношений, охватывающих все более и более широкие слои крестьянства, ведущих к новым формам социальной организации труда и культуры.

В деревне 20-х годов сплошь и рядом носитель мелкобуржуазных отношений (например, середняк) вступал в прямые связи как капиталистического, так и социалистического характера производства, не становясь при этом ни законным буржуа, ни тружеником производства.

Некоторую характеристику хозяйств и отдельных национальных групп населения области дают цифры табл. 2 [10, с. 16].

Таблица 2

На 100 хозяйств приходится дес:	до 2 дес.	до 2–4 дес.	до 4–6 дес.	до 6–10 дес.	В среднем свыше 10 дес.	Всего в среднем (%)
черкесских хозяйств	79,7	72,0	56,5	30,2	27,3	60%
русских хозяйств	20,3	28,0	41,5	69,8	72,7	46,4%

Первые две группы малопосевных хозяйств, т.е. сеющих до 2 дес. и от 2 до 4 дес., на 3/4 состоят из черкесов (адыгов), и так как таких хозяйств в области больше 60%, то общее число малопосевных хозяйств вырисовывается особенно ясно: середняки, сеющие до 6 дес., представлены почти в равной мере как черкесами, так и русскими, и, наконец, сеющие от 6 и больше десятин, представлены в области 46,4% русскими.

В малопосевных хозяйствах уделялось больше внимания кукурузе; самый мелкий посевище, сеющий около 1/8 дес. и сеющий около десятины, половину отводит кукурузе (45,7%).

Следующая группа, сеющая 1,5 дес., сокращала посев кукурузы, увеличивала площадь под пашней и подсолнухом. Такое хозяйство являлось только потребительским, и главным продовольственным хлебом была кукуруза. А у группы хозяйств, сеющих 0,5 дес. на едока (человека), кукурузе отводится такое же место, но главный продовольственный хлеб – пшеница, а кукуруза использовалась как подсобный корм для рабочего скота и коровы.

Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. показывают наличие расслоения крестьян. Например, к маломощным относились хозяйства с посевом от 1 до 3 дес., а к середнякам – хозяйства с посевом от 3 до 9 дес. К крепким зажиточным хозяйствам относились те хозяйства, которые превышали средние размеры посева - от 9 дес. до 13 дес., а у эксплуататорских хозяйств размеры посева составляли свыше 13 дес. Все это позволяло определить характер расслоения адыго-черкесского крестьянского хозяйства к концу 20-х годов по районам [11, с. 28]:

Таблица 3

Группы по посеву Районы	Маломощные крестьяне от 1 до 3 дес.	Средняки		Крупные зжиточн. от 9,1 до 13 дес.	Крупные эксплуатат. хоз-ва свыше 13 дес.
		Просло- ечная группа от 3,1 до 6,0 дес.	Устойчи- вая группа от 6,2 до 9,0 дес.		
Тахтамукайский	58,5	8,2	30,9	1,9	0,5
Понежукайский	53,5	12,1	32,0	1,7	0,7
Преображенский	45,8	15,4	32,9	4,0	1,9
Хаукринохабльск.	39,9	16,7	33,2	6,7	3,5
Натырбовский	33,3	15,1	35,3	9,4	6,9
В среднем по Адыгее	45,6	13,5	33,4	4,9	2,6

Крепкие хозяйства, имеющие посев на хозяйство больше, чем 9 дес., составляли по области 7,5 % [12, с. 30].

Беспосевные по области составляли 5,5% и по отдельным районам – разные (показатели колеблются). Например, в Хакуринохабльском районе – 7,6%, в Натырбовском – 3,3%, в Понежукайском – 3,4%. А число хозяйств с посевом до 1 дес. – 7,9%, с посевом до 9 дес. – 15,8% и самая крупная по количеству хозяйств – это группа с посевом от 2 до 3 дес. – 16,4%, по области – это середняки [12].

Сокращается число зажиточных и эксплуататорских хозяйств, а в Тахтамукайском и Понежукайском районах они отсутствуют. В остальных районах хотя малопосевные медленно нарастают, но есть крупные посевные, достигающие 30 и больше десятин [12].

Следует подчеркнуть, что количество хозяйств с посевом от 3,1 до 4,0 и от 4,1 до 6 дес. одинаково почти по всем районам. Они равны областным. Данная группа была самая устойчивая как в распределении по мощности, так и по посеву. На 1 марта 1928 г. площадь посевов колхозов составляла 3500 дес. Объединили в колхозы 1831 хозяйство.

В среднем одно хозяйство продавало свои продукты на 185 руб. 40 коп., приобретало товаров на 153 руб. 88 коп. Из всего этого оборота 15%, или 31 руб. 52 коп., оставались на улучшение жизненных условий и культурной жизни аула.

Хозяйства, сеющие до 4 дес., реализуя продукцию полеводства, ничего не покупают. А у хозяйств, сеющих более 4 дес., товарность слагалась из продажи продуктов животноводства (54%) и полеводства. Хотя адыгское табаководство не подвергалось анализу, все же оно приняло вид промысла с 1902 г. Первыми табаководами были греки и армяне. Постепенно приобщалось к табаководству и адыгское население. Главным центром табака в области стали Тахтамукайский и Понежукайский районы. В Натырбовском (юго-восточном) районе почти половина плантации принадлежала беднякам (40,0%), а зажиточным – 46,7%, к найму рабочей силы прибегали 33,2%, остальные обрабатывали землю самостоятельно.

Почти 2/3 потребности в рабочей силе удовлетворялись рабочими, и поэтому ежегодно более 300 тыс. рублей, уплачиваемых пришлым рабочим, уходило из Адыгеи.

Поводя итоги, можно сказать, что существовавшая экономическая политика позволила адыгейскому крестьянству укрепить свое социально-экономическое положение, оказать влияние на демографические изменения и реализовать необходимый минимум сельскохозяйственной продукции, менявшей социальный облик аула и всего населения Адыгеи в целом.

Средством для этого явились следующие факторы: земельная реформа, использование экономических рычагов (аренда земли, наем-сдача орудий сельскохозяйственного производства, кооперирование, налоги, кредитование и, наконец, начало колхозного движения).

Таким образом, данные статистики и архивных документов позволяют проследить демографические изменения в сфере сельского населения Адыгейской области в первой трети XX века. На основании этих сведений о составе и структуре, экономических особенностях деревни можно сделать вывод о благоприятных условиях для развития крестьянства и грамотной политике государства, способствовавшей этому развитию.

Литература и источники

1. Всесоюзная перепись населения 1926. Ростов н/Д, 1926. Т. 39.
2. *Гозулов А.И.* Морфология населения. Ростов н/Д, 1929.
3. Контрольные цифры развития народного хозяйства Адыгейской автономной области на 1928–1929 г. Краснодар, 1929.
4. Государственный архив Адыгейской области (ГААО). Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 90. Л. 152.
5. ГААО. Ф. Р-4, Оп. 1, Д. 90, Л. 145.
6. *Алиев У.* Адыгея (Адыгейско-Черкесская автономная область). Историко-этнологический и культурно-экономический очерк / У. Алиев, Б. Городецкий, С. Сиюхов. Ростов н/Д, 1927.
7. Стенографический отчет XIII съезда партии. М., 1958.
8. *Пономарева Э.В.* Вопросы экономики Адыгеи. 1982.
9. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 2443. Оп. 2. Д. 1401. Л. 1–3.
10. *Хут М.С.* Сельское хозяйство Адыго-Черкесской автономной области. Майкоп, 1968.
11. Конъюнктурный обзор народного хозяйства Адыгейской автономной области за второе полугодие 1925–26 гг. Краснодар, 1927.
12. ПАААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 231. Л. 19.

References

1. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya [All-Union census of the population] 1926. Rostov n/D. T. 39.
2. *Gozulov A.I.* Morfologiya naseleniya [Morphology of the population]. Rostov n/D, 1929.
3. Kontrol'nye tsifry razvitiya narodnogo hozyaystva Adygeyskoy avtonomnoy oblasti na 1928–1929 g. [Key figures of Adygei Autonomous Region national economic development in 1928–1929 g.]. Krasnodar, 1929.
4. Gosudarstvennyy arhiv Adygeyskoy oblasti [State Archives of Adyge region] (GAAO). F. R-4. Op. 1. D. 90. L. 152.
5. GAAO. F. R-4. Op. 1. D. 90. L. 145.
6. *Aliiev U., Gorodetskiy B., Siyuhov S.* Adygeya (Adygeysko-Cherkesskaya avtonomnaya oblast'). Istoriko-etnologicheskiy i kul'turno-ehkonomicheskiy ocherk [Adyge (Adygei-Cherkess Autonomous Oblast). Historical and ethnological and cultural-economic survey]. Rostov n/D, 1927.
7. Stenograficheskiy otchet XIII s-ezda partii [XXII Party Congress transcript]. M., 1958.
8. *Ponomareva E.V.* Voprosy ekonomiki Adygey [The economy of Adygea] 1982.
9. Gosudarstvennyy arhiv Rostovskoy oblasti [State archive of the Rostov region]. F. 2443. Op. 2. D. 1401. L. 1–3.
10. Sel'skoe hozyaystvo Adygo-Cherkesskoy avtonomnoy oblasti [Adyge-Cherkess Autonomous Region Agriculture].
11. Kon'yunkturnyy obzor narodnogo hozyaystva Adygeyskoy avtonomnoy oblasti za vtoroe polugodie 1925–26 gg. [Conjuncture overview of Adyge Autonomous Region national economy for the second half of 1925–26 years]. Krasnodar, 1927.
12. ПАААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 231. Л. 19.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА

УДК 78

Т.Ф. ШАК, О.В. МАСИЧ

**О НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПАХ СТРУКТУРИРОВАНИЯ
МУЗЫКАЛЬНОГО ТЕМАТИЗМА В МУЗЫКЕ КИНО**

Шак Татьяна Федоровна, доктор искусствоведения, профессор, завкафедрой музыковедения, композиции и методики музыкального образования Краснодарского государственного института культуры (40 лет Победы, 33), shaktat@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме миграции музыкальных тем из автономных произведений в музыку кино. На материале творчества А. Шнитке рассматривается структурирование музыкального тематизма через принципы работы с музыкальной цитатой, приемы самоцитирования и другие формы заимствования. Особое внимание уделено контекстной специфике тематизма, определяемой жанром фильма и взаимодействием с видеорядом.

Ключевые слова: автономная и прикладная музыка, цитата, авторская цитата, музыкальная интонация, аллюзия, контекст.

UDC 78

T.F. SHAK, O.V. MASICH

**ON SOME PRINCIPLES OF STRUCTURING MUSIC THEMES
IN THE MUSIC OF THE MOVIE**

Shak Tatiana Fedorovna, PhD (art), Full Professor, chair of the Department of musicology, composition, and technique of music education, Krasnodar state Institute of culture (40 years of Victory Str., 33), shaktat@yandex.ru

Abstract. The article deals with the migration of musical themes from standalone works of music in cinema. On the material of creativity of A. Schnittke considers the structuring of musical themes through the principles of working with musical quotation, citation, and other forms of borrowing. Special attention is paid to the contextual specificity of its themes, is determined by the genre of the film and interaction with different visuals.

Keywords: Autonomous and applied music, quote, autoritate, musical intonation, allusion, context.

Киномузыка – жанр, к которому с развитием кинематографа обращались многие отечественные композиторы-академисты. Кто-то из них считал сочинение музыки кино занятием вынужденным и несерьезным, другие отдавались этому делу с увлечением и интересом, третьи видели в данной работе еще и дополнительный заработок. Всех композиторов объединял профессиональный подход к написанию музыки кино, ставшей своеобразной лабораторией, где композиторы оттачивали свое мастерство посредством интонационного отбора музыкального тематизма и принципов его развития, нахождение новых композиционных приемов письма, ставших основой стиля их автономных произведений.

Рассуждая о сочинении киномузыки, А. Шнитке отмечал: «Сегодня я написал что-то, завтра я это услышал в оркестре, мне не понравилось, я тут же изменил, но проверил прием, оркестровку, фактуру или еще что-нибудь. В этом смысле кино мне многое дало... Я могу ту или иную тему перевести в другое сочинение, и она в контрасте с иным материалом заиграет по-новому» [1, с. 123]. Этот прием перенесения музыкальных тем из автономной музыки в прикладную и наоборот характерен не только для творчества Шнитке, но и для других композиторов, работающих в кино.

Цель данной статьи – на материале киноработ А. Шнитке рассмотреть принципы формирования музыкального тематизма и его миграцию, которую можно определить как явление самоцитирования, или авторской цитаты.

Причины частого распространения авторской цитаты в музыке кино связаны, по-видимому, с тем, что для многих композиторов работа в кино, будучи иногда вынужденной, требовала быстроты, чувства кадра, умения работать в ансамбле, понимания чужого замысла. Нельзя